А.П. Алексеева

ДЕПОРТАЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1922 ГОДУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Со времени массовой депортации интеллигенции из Советской России в 1922 г. прошло свыше восьмидесяти лет, но и по сей день – при довольно большом и постоянно растущем массиве литературы на эту тему – в истории «высылки вместо расстрела» еще много неясностей. Сегодня, конечно, уже нельзя сказать, что «это событие остается до настоящего времени своеобразной terra incognita в истории русской науки и культуры XX в.»[1], – про что, однако, можно говорить с полной определенностью как о *terra incognita,* так это о политическом контексте всей истории. Что, собственно, в данном случае проявилось со стороны властей, высылавших «лишних профессоров», – своеобразный гуманизм (официальная версия, в специальном интервью высказанная Л. Троцким[2]), особый момент политической и правовой эволюции режима, международно-политические соображения, цели внутренней политики, что еще? Ни прямых, ни даже косвенных ответов достаточной убедительности на эти вопросы нет: основной массив имеющейся литературы относится либо к чисто событийной стороне дела, либо к их более широкому «историко-философскому» смыслу: отсутствует как раз «середина» – мотивы властей, политически определенные задачи и цели всей акции[3].

---

[1] См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921 – 1923 гг. / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М., 2005. С. 5.

[2] Летом 1922 г. Троцкий заявил в интервью американской корреспондентке Л.А. Стронг: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений… все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением». (Цит. по: Высылка вместо расстрела… С. 23.)

[3] В сегодняшней литературе встречаем следующие интерпретации мотивов и целей режима: «Неуверенность руководителей советского государства в своей способности удержать власть после окончания Гражданской войны»

Нам представляется, что более точное уяснение этой темы возможно лишь на пересечении социологического и конкретно-политологического подходов. По-иному говоря, вопросы стоят так: кто именно и за что именно высылался, каков обобщенный «социологический портрет» высылавшихся, как эти социологические характеристики соотносятся с событиями внутренней и внешней политики Советской России в 1922 г. – и все это на конкретном эмпирическом материале с учетом всех фактов, дат и обстоятельств. Особая «предметность» анализа в данном случае требуется вот почему.

В существующих работах о «философском пароходе», как нам представляется, недостаточно внимания уделено одному обстоятельству, лежащему, собственно говоря, на поверхности, – а именно тому, что это было абсолютно уникальное в истории страны явление. Никогда, ни до, ни после 1922 г., правящий режим Советской России (СССР) не высылал из страны такого количества людей: высылки были и прежде и позже, однако столь массовых высылок не было. Мы поэтому полагаем, что каким-то особым образом эта единственная в своем роде акция властей должна быть связана с определенным моментом политической эволюции режима. Каким именно? Но вначале о том, кого и как высылали.

Усилиями составителей книги «Высылка вместо расстрела» мы на сегодняшний день располагаем следующими данными о числе репрессированных «на предмет высылки» в 1921 – 1923 гг. (общее число репрессированных в эти годы было, конечно, много больше). Всего преследованию властей подверглось 228 человек; по 225 репрессированным имеются следующие сведения.

(*Артизов А.Н.* Очистим Россию надолго. К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 65); стремление власти «установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту – тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим» (*Главацкий М.Е.* «Философский пароход». Год 1922: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002. С. 24–25). Не отрицая этих соображений, все же скажем, что в 1922 г. режим, по нашему мнению, уже вряд ли сомневался в своей способности удержать власть, а жесткий идеологический контроль в стране уже давно был установлен. Кроме того, эти интерпретации не отвечают на главный для данной темы вопрос – почему власти пошли на депортацию, меру «мягкую», а не действовали прежними методами ВЧК?

Таблица 1

Категории (в том числе профессиональная принадлежность) репрессированных

Категория	Численность репрессированных, *чел.*
Врачи	45
Профессора, педагоги	41
Инженеры	12
Юристы	16
Писатели, журналисты	22
Экономисты, агрономы	30
Студенты	34
Политические деятели	9
Религиозные деятели	2
Другие	6
Сведения отсутствуют	8
Всего	225

Арестованные, намеченные к высылке, подверглись различным видам административного наказания, а для некоторых из них высылка по тем или иным соображениям («отсутствие состава преступления», ходатайства и т. д.) была отменена. Общая картина в этом отношении отражена в табл. 2.

Таблица 2

Виды административного наказания для репрессированных в 1921 – 1923 гг.

Вид репрессий	Численность репрессированных, *чел.*
Высылка за границу	67
Административная ссылка	49
Высылка отменена	33
Сведения отсутствуют	46
Всего	225

Из архивных материалов известно, что административной ссылке в различные местности РСФСР были подвергнуты почти исключительно врачи: эпидемиологическая ситуация в стране была острейшей, и поэтому вопрос с врачами власти решили именно так – использовать их на местах для практической работы. Основная масса врачей была арестована еще в 1921 г. – как участ-

ники Помгола (Всероссийского комитета помощи голодающим) или съездов врачей (в последнем случае основанием для репрессий было «неприятие советской медицины» или «восхваление земской медицины»).

В табл. 2 показано, что за границу было выслано 67 человек. Основная часть этой группы была арестована в ночь с 16 на 17 августа 1922 г. Наш анализ архивных материалов, приведенных в книге «Высылка вместо расстрела», позволяет говорить о следующем.

Операция ГПУ середины августа 1922 г. была направлена против профессоров, литераторов, журналистов, экономистов (сотрудников и авторов экономических журналов) и кооператоров: именно их больше всего было арестовано как в Петрограде, так и в Москве. Людей, известных как философы, среди них было немного – двенадцать человек. Это Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, Ф.А. Степун, П.А. Сорокин, Г.В. Флоровский и С.Л. Франк. В списках на высылку, кроме того, значились (и основная часть из них действительно будет выслана) такие люди, как священник В.В. Абрикосов, литератор Ю.И. Айхенвальд, священник И.А. Артоболевский, юрист А.Л. Байков, юрист А.А. Боголепов, экономист и агроном Б.Д. Бруцкус, заведующий Толстовским музеем В.Ф. Булгаков, публицист А.С. Изгоев, историк А.А. Кизеветтер, издатель Д.А. Лутохин, педагог В.Ф. Марциновский, писатель И.А. Матусевич, журналист и историк С.П. Мельгунов, публицист В.А. Мякотин, агроном Б.Н. Одинцов, писатель М.А. Осоргин, писатель А.Б. Петрищев, экономист Л.М. Пумпянский, астофизик В.В. Стратонов, философ и политический деятель С.Е. Трубецкой, инженер В.И. Ясинский и др. Уже из перечня видно, сколь неоднородна была эта среда, и насколько, следовательно, маловероятно, что арестованные могли находиться в каких бы то ни было «конспиративных» отношениях.

Основная часть задержанных была допрошена в ближайшие после ареста дни: первые протоколы допросов датируются, как правило, 18–25 августа. (В сохранившихся документах так у Ю.И. Айхенвальда, Н.А. Бердяева, Н.М. Волковысского, В.В. Зворыкина, А.С. Изгоева, Л.П. Карсавина, А.А. Кизеветтера, П.И. Лопатина, Н.О. Лосского, Н.К. Муравьева, В.А. Мякотина, М.А. Осоргина и др.) Столь же ускоренным порядком принимались заключения Секретного отдела ГПУ, определявшие дальнейшую судьбу арестованного: в некоторых случаях они вынесены на сле-

дующий же день после первого допроса. Никаких следственных действий не предпринималось и, надо полагать, даже не предусматривалось. Время от времени в документах встречаются указания на имеющиеся «обличительные материалы» или «агентурные сведения», но ни в одном из дел таковых сведений нет. По сути, все арестованные на допросах в той или иной форме говорили о своей лояльности в отношении большевистской власти, но это ничего не меняло. В большинстве случаев обвинение носило стандартный, почти штампованный характер с формулировкой, которая дословно переходила из дела в дело: «С момента Октябрьского переворота и по настоящее время не только не смирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал». В соответствии с этим арестованным предъявлялось обвинение в «злостной антисоветской деятельности», и Коллегия ГПУ постановляла выслать его за пределы РСФСР.

Полное отсутствие доказательной базы в обвинениях лишний раз указывает на то, что вся операция носила «заранее придуманный» и «специальный» характер. В позднейших мемуарных источниках не раз обнаружится то крайнее недоумение, которое испытывали высланные по поводу всего того, что произошло с ними. Так, М.А. Осоргин писал: «Почему именно на нас, таких-то, пало избрание, мы никогда не могли узнать: включены в списки отдельные лица, почти никакой связи между собой не имевшие. Ссылка некоторых поражала: никто не слыхал об их общественной роли, она ни в чем не проявлялась, и имена их известны не были. Троцкому принадлежала идея, но выполнял ее менее умный человек. Или менее злой»[1].

Итак, десятки человек были высланы из России при полном отсутствии каких бы то ни было юридических на то оснований. Но у тщательно спланированной операции ГПУ, естественно, были свои цели и задачи, отражавшие более широкие политические мотивы властей. Какими фактами мы располагаем на этот счет?

Прежде всего о самом ГПУ. Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР было образовано Постановлением ВЦИК 6 февраля 1922 г. и бы-

[1] *Осоргин М.А.* Времена: Романы и автобиографическое повествование / Сост. и примеч. Е.С. Зашихина. Екатеринбург, 1992. С. 597.

ло призвано заменить собой упраздняемую ВЧК. По завершении Гражданской войны политическое руководство страны стремилось, как минимум, избавиться от «эксцессов чрезвычайки», тем более что во внешнеполитической области перед ним стояла задача «прорвать фронт империалистических держав»: впредь, следовательно, нужно было так или иначе считаться с мировым общественным мнением. В апреле 1922 г. состоялся первый такой прорыв – заключение договора с Германией в Рапалло.

Либерализация режима (а по сравнению с временами ВЧК это действительно была радикальная либерализация[1]) проявилась и в принятии Уголовного кодекса РСФСР. Именно в дискуссиях вокруг него и началось становление этой правовой нормы – «высылка вместо расстрела». 15 мая 1922 г. Ленин, например, в своих замечаниях и дополнениях к проекту Уголовного кодекса писал наркому юстиции И.Д. Курскому: «…добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)… Найти формулировку, ставящую эти деяния в связь *с международной буржуазией* и ее борьбе с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой к войнам и т. п.)[2].

Уже в мае 1922 г. вопрос в отношении «контрреволюционной интеллигенции» был в принципе решен. Так, 19 мая 1922 г. Ленин писал Дзержинскому: «т. Дзержинский. К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим… Обязать членов Политбюро уделять 2 – 3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех

[1] Достаточно сказать, что были приняты реальные меры, ограничившие применение внесудебных приговоров, над органами ГПУ был установлен прокурорский надзор, а кадры ВЧК были резко сокращены. Как пишет современный нам автор, «за преобразованием ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. последовала самая грандиозная кадровая чистка в истории советских органов безопасности. Если в конце 1921 г. в ВЧК служило 90 тыс. гласных сотрудников, то к 1 ноября 1923 г. – 33 тыс. Еще более сократили должности административного аппарата: на начало 1921 г. было 60 тыс. агентов, на начало 1922 г. – 30 тыс., на 1 ноября 1923 г. – 13 тыс… К 1925 г. численность органов безопасности упала до минимума и была примерно вчетверо меньше, чем в начале 1922 г.» (*Тепляков А.Г.* Непроницаемые недра: ВЧК – ОГПУ в Сибири. 1918 – 1929 гг. М., 2007. С. 184). См. также: Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1991: Справочник. М., 2003.

[2] В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917 – 1922 гг.). М., 1975. С. 563.

некоммунистических изданий. Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов… Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей…»[1]

Ленин предлагал и способ осуществления операции. «Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!» (подчеркнуто у Ленина. – *А.А.*)[2]. Примерно в этом духе вся операция, как мы видели, и была проведена.

Но вопрос все же остается – каковы мотивы? Мы склоняемся к тому, что в основном и главном вся акция была направлена на достижение некоего демонстрационного эффекта: Западу и российской эмиграции (где уже набирало силу «сменовеховство» и стремление по-новому сотрудничать с советской властью), демонстрировался «новый облик большевистской России», российскому же обществу – «неизменная твердость властей в отношении своих политических противников». Идея высылки целиком и полностью принадлежала высшему политическому руководству страны: ГПУ в данном случае было не более чем «механическим» инструментом этой программы, – отсюда и полное отсутствие следов какой бы то ни было розыскной и следственной деятельности в отношении «лишних профессоров». «Преступление и наказание», «суд и расправа» – все это определялось в высших коридорах власти.

Интересно поэтому, что не где-нибудь, а в самом ГПУ мы сегодня обнаруживаем проявление известного протеста и неприятия в отношении самой идеи массовых высылок за границу. Наиболее авторитетное свидетельство тому – записка Дзержинского своему заместителю И.С. Уншлихту от 27 мая 1923 г. следующего содержания:

«Массовые высылки возбуждают у меня большие опасения.

1. Они организуют и воспитывают высланных и закаливают их – и доканчивают партийное образование и спайку.

2. Они организуют семейства высланных и «симпатиков».

3. Они, поэтому, содействуют развитию и укреплению данной партии в будущем и вырабатывают будущие кадры.

4. Поэтому я считаю установившуюся практику широких высылок по подозрению опасной для Республики, содействующей

[1] Цит. по: Высылка вместо расстрела… С. 73.

[2] Там же. С. 87.

созданию антисоветских партий и полагаю повести борьбу с этой практикой…

Я думаю, что необходимо установить следующие принципы:

1. Высылаются только активные и не по подозрению, а когда есть полная уверенность.

2. В тройке докладывает не только следователь или Юридический отдел, а один из членов Коллегии, который, кроме ознакомления с делом, ознакомится с самим подсудимым (иначе тройка всегда будет в руках у следователя).

3. Не высылаются те, которые, можно ожидать, после освобождения перестанут быть активными.

4. Не судить о человеке и деле по формальным признакам…

5. Ко всем свидетельским показаниям (хлопотам) относиться с полным пониманием.

Лучше в 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем сослать неактивного в ссылку – откуда он вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас.

Ошибку всегда успеем исправить.

Высылка потому только, что он когда-то был меньшевиком, – считаю вредным делом»[1].

В дальнейшем в СССР массовых высылок за границу не было.

[1] Высылка вместо расстрела… С. 185 – 186.